

В шаге от участия

Почему Лукашенко не стал посылать свои войска в Украину на помощь Путину?

Аналитики почти единогласно предупреждали, что политический кризис последних лет в Беларуси неизбежно приведет к схлопыванию ее автономии. Отрезав себе западный вектор внешней политики, Александр Лукашенко оказался в состоянии постоянно растущей зависимости от Москвы.

До февраля главной жертвой этого процесса считали саму Беларусь. Погружение в российскую сферу влияния обрекало страну на годы экономической и политической стагнации. Но в итоге от неспособности Лукашенко балансировать больше всех пострадала Украина.

После внеочередных военных учений Россия использовала территорию Беларуси для ввода своих войск по кратчайшему пути к украинской столице и ракетных обстрелов Центральной и даже Западной Украины. Именно через Беларусь в Украину зашли подразделения, судя по всему, причастные к массовым убийствам гражданского населения в пригородах Киева.

Такое соучастие в войне похоронило не только белорусско-украинские отношения, в том числе торговые, но подвело Минск под новые раунды западных санкций. И хотя на бумаге они выглядят менее обширными, чем то, что получила Россия, последствия для экономики Беларуси в относительном выражении могут быть даже более разрушительными. Москва пока не лишилась возможности экспортировать свои главные товары – нефть и газ. Кроме того, существует теоретическая возможность перенаправить какую-то часть экспорта на восток и юг. Ключевые же статьи белорусского экспорта (калий, нефтепродукты, табак, древесина, металлы) оказались под запретом. А единственным логистическим каналом для их экспорта осталась Россия, которая сама производит почти все это с избытком.

*Главный тормоз на пути
отправки белорусских
солдат в Украину – не их
военный потенциал, а
общественный консенсус
о том, что этого нельзя
делать*

Тем не менее, несмотря на ощущение, что Лукашенко уже нечего терять, он не стал переходить последнюю черту и не ввел войска в Украину. Хотя риторика на этот счет до российского вторжения была вполне однозначной: в начале февраля Лукашенко обещал, что если начнется война на Донбассе, белорусская армия поведет себя «точно так же, как и российская».

Уже потом, когда стало ясно, что быстрого успеха не получилось, а российская армия увязла на подступах к Киеву, Лукашенко стал дистанцироваться от возможного участия белорусских солдат. В первую очередь, как он говорил в середине марта, потому что Москве это не надо, а российская армия сама со всем справится. Сегодня, когда Россия вывела войска с севера Украины, не достигнув своих целей, эти объяснения Лукашенко выглядят даже слегка издевательскими.

Неизвестно, давил ли Путин на Лукашенко с тем, чтобы он ввел в Украину свою армию. В конце концов, численность боеспособных белорусских частей, которые могли бы помочь россиянам, не так велика, у них нет военного опыта, их вооружение и техника уступают российским. С другой стороны, судя по многочисленным сообщениям о наборе наемников из российских ЧВК и Сирии, привлечении резервов из Южной Осетии, Москва бы точно была не против большей поддержки от Минска.

Но в любом случае главный тормоз на пути отправки белорусских солдат в Украину – не их военный потенциал, а общественный консенсус о том, что этого нельзя делать. В Беларуси сложно проводить соцопросы: регулярно и публично это делает лишь британский Chatham House через онлайн-выборку, которая репрезентативна по городскому населению страны с доступом к Интернету – это около 80 процентов белорусов.

Среди респондентов поддержка идеи отправки белорусских солдат на помощь российским была на уровне 12 процентов за месяц до войны и опустилась до трех процентов к началу марта. Даже с учетом погрешности опроса в сторону более активной, городской части общества эти данные все равно означают, что подавляющее большинство белорусов отвергают прямое вовлечение белорусов в войну.

Причем эти оценки распространены не только среди оппонентов

белорусской власти. В тех же самых опросах Chatham House доля сторонников Лукашенко стабильно находится в диапазоне 25-30 процентов, а доля сторонников российской позиции по Украине или симпатизирующих Путину – и того выше. И несмотря на это, даже преданные белорусские телезрители российской и отечественной пропаганды в большинстве выступают против отправки своих солдат на войну. Этот пацифистский консенсус, естественно, распространяется на номенклатуру и военных. Нельзя набрать чиновников и силовиков лишь из тех трех процентов, кто согласен помогать России белорусскими войсками.

Критики могут возразить, что Лукашенко – автократ, который не обязан учитывать мнение общества. Но чем более экзистенциальным становится вопрос, в котором он бы решился идти вразрез с общественным консенсусом, тем опаснее последствия таких действий для самого Лукашенко.

В решение об отправке на войну армии, когда против этого выступает почти вся страна, априори заложены политические угрозы

Отправка на войну армии, когда против этого выступает почти вся страна, семьи этих солдат, вероятно, сами солдаты и их командиры, несет в себе не только военные риски массового дезертирства и сдачи в плен. В такое решение априори заложены и политические угрозы. Лукашенко не смог бы гарантировать, что силы специальных операций или внутренние войска по возвращении с непопулярной и кровопролитной войны были бы для него такой же надежной опорой, как во время протестов 2020 года.

Проблемы, скорее всего, начались бы еще на стадии отправки военных. Если бы какие-то подразделения один раз ослушались приказа или попытались сопротивляться выезду в Украину, непонятно, как потом восстанавливать в них дисциплину или пополнять их состав новобранцами, учитывая риск смертельных командировок.

Есть немало исторических и культурных причин, почему белорусы, в отличие от многих россиян, оказались настолько негативно настроены к идее воевать на чужой земле, несмотря на ежедневную интенсивную военную, антиукраинскую пропаганду с экранов ТВ. Есть и политические причины: оппоненты власти живут в информационном поле, где действия России однозначно воспринимаются как агрессия, а сторонники ценят Лукашенко и его

систему как раз за те ценности мира и стабильности, которые он возвел в абсолют с первых дней президенства. В итоге у партии войны в Беларуси просто нет социальной базы.

Теперь, когда боевые действия идут на юге и востоке Украины, можно сделать осторожный вывод, что вероятность полноценного вступления Беларуси в войну снизилась, хоть и не ушла с повестки дня полностью. Но даже если на каком-то этапе войны Путину понадобится вовлечь в бои белорусскую армию – ради решения каких-то новых военных задач или чтобы окончательно замазать Лукашенко – последний будет этому сопротивляться.

Даже при сегодняшней колоссальной зависимости Минска от Москвы интересы политического выживания для Лукашенко – неоспоримый приоритет. Он будет следовать воле Кремля до той поры, пока будет считать, что для него опаснее не следовать этой воле. Но ввод белорусских войск под российским давлением и вопреки мнению почти всех белорусов находится явно вне зоны допустимого риска для Минска.

Если же российское наступление захлебнется и на Донбассе, Лукашенко может попробовать продать свое неполное участие в войне на переговорах с Западом

Если же российское наступление захлебнется и на Донбассе, что можно будет считать полноценным поражением Москвы в войне, нельзя исключать и такого сценария, когда Лукашенко попытается продать свое неполное участие в войне на переговорах с Западом. 7 апреля он посетовал, что его несправедливо записали в пособники агрессора, и потребовал привлечь Минск к мирным переговорам как отдельную сторону.

В будущем он может устами своих дипломатов сказать, что Беларусь просто использовали втемную, не спросив, а сопротивляться десяткам тысяч российских солдат на своей территории у Минска сил не было. Но что могли, сделали – в войну не вступили. Утешение для Украины слабое, но для тех политиков на Западе, кто захочет увеличить дистанцию между Путиным и Лукашенко, это может стать поводом обсудить хотя бы частичное снятие санкций с Минска в новой поствоенной реальности.

Арте́м Шрайбман

Арте́м Шрайбман (Artyom Shraibman) – политический аналитик, основатель Sense Analytics, приглашенный эксперт Берлинского центра Карнеги.

